

Белла Кердман

Утро дожития

Какова она, плата за долголетие?

У каждого этот период жизни проходит по-своему – дело, естественно, индивидуальное. Я о себе. Начало, видимо, в генетике: в роду у нас долгожители, что явно способствовало моему почти беспроблемному существованию до девяноста. К врачам обращаюсь редко, медицинских статей не читаю. Лекарства – да, принимаю, и уколы делаю. Трижды попадала в больницу: с переломами запястий обеих рук и с гипертоническими кризами.

При почти исправной голове сейчас, на пороге девяностопятилетия, угнетает обида. На кого, на что? Не знаю. Помню слова Черчилля – мол, это плата за долголетие. Никому не удастся прожить до столь «взрослого», как называют с некоторых пор в Израиле старость, возраста, и уйти без болей. Между прочим, щадящее «уход» вместо безнадежного «смерть» также относительно новый эвфемизм. Один из наших хостельян, мой земляк Костя говорит: «Это мы в гостях, а они, ушедшие, дома». Знаю, что в моем возрасте жаловаться на дискомфорт, на боли – грех. Слава Богу, что я сейчас проживаю в прекрасном хостеле, а не в своей «самостоятельной», как говорят в Одессе, трехкомнатной квартире. И что не получила здесь социальную «амидаровскую».

Но вот перестали слушаться ноги. То и дело боли в сердце, хотя давно поставленный врачами диагноз «мерцательная аритмия» долго считала романтической придумкой – мол, надо же записать в «историю болезни», коль это медицинское досье положено вести на каждого пациента.

Мой папа говорил: «Как может болеть сердце? Там нечему болеть – это просто мышца». Потом выяснилось, что он перенес

инфаркт на ногах. Мы в семье поняли, когда: на плече поднял на третий этаж в нашу коммуналку холодильник, привезенный из Москвы. Оставшись сиротой в подростковом возрасте после петлюровского погрома, он много и тяжело работал всю жизнь. Один содержал семью: меня с сестрой и маму, которая до войны не работала. Он был умным и скептическим человеком. Газету «Правда» покупал ежедневно: он умел ее читать между строк. Особенно его там забавлял частый штамп: «как известно...». Кому известно, почему известно? Перед нами, детьми, родители со своими друзьями обо всем говорили открыто, никогда не предупреждая, что во дворе этого повторять не следует. Впрочем, в нашем одесском дворе дети не обсуждали такие вещи, хотя все мы знали, у кого маму или папу, а то и обоих родителей «забрали».

Мой папа, специалист по профилям металла, ушел с завода на пенсию, как только подошел официальный срок: чтобы навесить в уже существующем Израиле сестричку, младшего ребенка из большой погибшей в 1918 году в погроме еврейской семьи. Ее, в ту пору двухмесячную, пырнул казак ножом в животик, но девочка выжила благодаря тугому свивальнику. Ее удочерила родная тетка и увезла в Палестину. В шестнадцать лет девочке-сироте рассказали правду о семье и сообщили, что в Одессе живет ее родной брат. Впрочем, о Ривке я уже писала.

Ко времени папиного визита она тоже стала пенсионеркой. И прислала ему визу. Но в Одессе оформить разрешение на выезд отказались. Пришлось ехать в Москву. Там «вошли в положение». Сев в нашем порту на теплоход рейсом на Хайфу, отец отправился на два месяца за границу, впервые в жизни. И... угодил как раз в Шестидневную войну. Как мы дома переживали! Сейчас уже можно пером описать, даже с юмором.

Вот мой личный эпизод тех дней. Обком комсомола формирует группу солистов для участия в международном певческом конкурсе в Варшаве. Меня, заведомо вузов и школ молодежной газеты, включают для освещения этого события. Однако в обкоме партии проявили бдительность: сообщили молодым товарищам, в каком жутком месте находится в данный момент мой отец. Официально же передо мной извинились – мол, участие журналистов не предусмотрено. Но комсомольская начальница по-своему

шепнула правду. И тут... в республиканской конторе Союза журналистов появилась «горящая» путевка в наш международный профессиональный дом отдыха на Балатоне. Дефицитнейшая. И ее выделяют мне. Причем пересылают сразу в обком комсомола, чтобы быстрее оформили в партийной инстанции. И там, уже в другом отделе, бдительность не проявили: товарищ подмахнул нужную бумагу, и я отправилась в Венгрию. Уже тогда, значит, в совке правая рука не знала, что делает левая.

Папа, вернувшись, продолжил служить своему заводу сельхозмашиностроения – внештатно, и мы, обе дочери, оставались на своих рабочих местах. Он не произносил популярную тогда среди евреев фразу: «Надо ехать». Как я поняла, во-первых, не желая обременять собой, пенсионером, бедную страну. Во-вторых, мы с сестрой, как он сказал Ривке (это я уже от нее узнала), здесь не нужны: старшая, то есть я – профессионал ненавистной ему брехливой прессы, младшая – специалист по измерительным приборам, которые в Израиле неизвестно когда появятся. На вопрос интересующихся евреев: «Как там?» – отвечал однозначно: «Как везде – есть бедные, есть богатые». Видимо, с него взяли подписку.

Короче, никто из нашей семьи менять ПМЖ не собирался. Я по-прежнему много работала. Больше меня по Одесской области (между прочим, самой большой в Украине) никто не ездил. Честно сказать, мне это было по-настоящему интересно. В то время журналиста мало где уже принимали всерьез: в совке стали понимать, что мы придерживаемся дозволенного. Но у меня были наработаны доверительные связи в среде ученых и специалистов сельскохозяйственной отрасли, так что недозволенную информацию могла добывать и пробивать к публикации.

Но вот заболели родители. На меня кроме ухода за ними свалилась вся работа по дому. А тут Ривка решила познакомиться с нами и прислала приглашение сестре, а затем и мне. Мы съездили в Израиль. Она – в восемьдесят девятом, я – в девяностом. Понравилось. Но об исходе не думали. Вернулись в Одессу, к привычной своей жизни. И вдруг вслед за своей подругой переметнулись в Еврейскую страну дочь и зять сестры с восьмилетним сыном и поселились в кибуце, где живут и работают по сей день.

Спустя год уехали туда же сестра с мужем. Оставшись одна, покинула Одессу и я – в 1994 году, в пенсионном возрасте. Меня уже не «прорабатывали» на собрании, а достойно проводили из кабинета редактора. Квартиру я приватизировала и продала.

Однако же я – о дожитии. Оно пришлось на двадцать восьмой год ПМЖ в Израиле. При ясной почти голове, как сказано выше,

при щадящей уже профессиональной нагрузке – одна статья в месяц. Но при ограниченной возможности самообслуживания. Проявляя беспечность по отношению к предстоящему «времени дожития», я не завела закрытого счета в банке, в чулок ничего не сложила. Как быть теперь? Переселиться в «Дом отцов», как буквально переводится с иврита «Бейт авот»?

Моя племянница, кибуцница Рита, человек искренний и бескорыстный, решительно сказала: «Это не для тебя! Там будет второй человек в комнате, неизвестно кто. Там у тебя не будет компьютера – не сможешь работать. И как тебе тамошняя еда, нельзя знать». Сев со мной рядышком, она просчитала мои доходы-расходы и пришла к выводу: продержимся с помощью нанятых частным путем метаплат. «А вообще-то, в твоём возрасте при твоём сейчас состоянии здоровья тебе, вероятно, положена добавка часов услуги от «Битуах леуми». Займемся проверкой».

Зять моей племянницы, главный врач-радиолог крупного медицинского подразделения, шутит: мол, счастлив тот, у кого срок дожития совпал с «Альцгеймером». Такой человек себе существует в состоянии огурца, ни приближения ухода, ни его неизбежности не осознавая. А сохранный голова, которую все мы считаем великим благом, непременно доставляет страдания.

Да, могу уже подтвердить! Пережила несколько микроинсультов. Вдруг пропавшая речь восстанавливалась, но страх остался: в очередном кроссворде вспоминаются не все слова. Недавно два дня не могла вспомнить «кентавра»! При больших перепадах давления первым делом проверяю речь. Зеленую кнопку службы «Натали», бесплатной «скорой», не нажимаю: имею опыт – могут продержать в приемном покое больницы в ожидании места в палате до трех ночи. И Рита будет сидеть рядом, не уйдет, пока меня не пристроит. А ей утром на работу. Иногда оставляют в покое на ночь. Она уезжает домой, а я до утра мучаюсь при полном свете, при чьих-то столах, а утром могут, измерив давление и дав ту же таблетку, что у меня есть, отправить домой. И придется ждать санитаря, который свез бы в кресле к выходу из больницы, а там диспетчер поможет вызвать такси, и ты поедешь к себе в хостел. Выспаться хотя бы. Вот почему я стараюсь теперь справляться сама.

Сегодня по возрасту я среди населения хостела третья. Но справляюсь с физической нагрузкой хуже мужчины, который старше меня примерно на год, и девяностодевятилетней женщины. Он по утрам и вечерам ходит по территории нашего дома, только недавно стал опираться на палку. А она вышагивает немалые расстояния в ночном безлюдье; абсолютно потеряла слух, но принципиально не пользуется аппаратом для его усиления, высокомерно предпочитая, чтобы каждый стремился до нее докричаться и внять ее ответу. Правда, ни тот, ни другая интернетом не владеет.

Наверное, я ленива. Я не делаю рекомендованных интернетом упражнений «для укрепления организма». Возможно, слишком рациональна: рекламное обещание диеты, убирающей диабет за одну неделю, даже не открываю.

Стала труслива, что ли: любое нарушение распорядка в доме, пустяковая поломка вызывает во мне панический дискомфорт, даже страх, часто бессонницу.

Мне уже мало кто и мало что интересно. Я по-прежнему встаю в 7:15 утра, прослушав перед тем по радио последние известия, а в восемь, минута в минуту, придет моя метапелет, она же – главная, а часто и единственная моя собеседница на текущий день. На удачу, с ней можно говорить на равных: у нее питерское высшее образование и воспитание интеллигентной семьи. Она всегда одета не нарядно и не убого, есть у меня для этого точное слово: уместно. Быстро ходит по нашему поселку пешком, держится ровно и выглядит много моложе своего пенсионного уже возраста. Не скажешь, что она родила трех детей и теперь несет серьезную бытовую нагрузку. Мне все хочется задать ей вопрос: «Вам еще интересно жить?». Или так спросить: «Что вам сейчас интересно?».

Для меня возраст дожития все чаще главным предъявляет примитивное пожелание: чтобы не болело! Я знаю, что боли – одно из неперемных условий «взрослости», то есть банальной старости. А я к боли нетерпима. И никогда не старалась выглядеть моложе, если для этого требовалось хоть малейшее болевое усилие. Как только ортопед сказал, что можно заказать палку, я тут же отправилась в специальный магазин и его совету последовала.

Эту палку то и дело забывала и теряла, особенно когда попадала за границу – довольно исправно, ходила без нее. Но с ней все же было легче. И я за ней всегда возвращалась.

Сейчас не делаю шага без алихона. Просто уже не могу. У меня их два – один для улицы, второй для дома. «Улица» – громко сказано: это дойти по своему третьему этажу до лифта, съехать в холл и, толкнув дверь дома, пройти пять-шесть шагов до ближайшей скамьи. Там посидеть часок, если погода позволяет. А если выдержат ноги, обойти небольшую клумбу раз-другой.

Серьезное испытание: сижу перед раскрытыми дверцами шкафа, четырехдверного, почти во всю двухметровую стену, и высотой под потолок. Мы с метапелет перекладываем вещи – достаем зимние, а летние складываем в чемоданы, которые она потом ставит на самые верхние полки. (На днях прочитала в интернете хохму: мол, похолодало, израильтянам пора доставать зимние сандалии, зимние майки и шорты.) Я впервые решаю грустную задачу: у меня много вещей, в том числе совсем новых, ненадеванных, которые мне, не выходящей из дома, надеть уже не придется – некуда. Мой гардероб подлежит прореживанию до минимума.

И вот метапелет держит передо мной на плечиках блузку, и я должна сказать, оставляем или убираем. Решать надо быстро,

я не могу ее долго занимать этой работой, в доме немало других дел. Наконец шкаф почти пуст. Один чемодан, куда складывала обычно одежду, освобожден. Второй и сумка едва заполнены. Поплакать бы, но не умею.

Одеваться я любила всегда. И, как выражались в Одессе, «понимала на вещи». Мой путь из дома в редакцию одно время лежал через центр, так что, возвращаясь с работы, я могла посетить три комиссионных магазина, что и делала. Продавщицы меня знали, позволяли зайти за прилавок, посмотреть товар. Если что-то хотела купить, но не хватало денег, откладывали до завтра. Если находила нечто для приятельниц или сотрудниц, тоже просила отложить и подсказывала женщине – мол, сходи и посмотри.

Были походы на знаменитый одесский Толчок, о котором знала вся страна, каждый турист или курортник непременно знакомился с этой достопримечательностью. Там был целый городок с палатками и прилавками, даже улицы были проложены и получили названия. Это место называлось также «7-й километр» – по расстоянию от черты города. Или территории пригородного колхоза, на которой она размещалась? Много лет председателем того колхоза был Виля Добрянский, мой многолетний знакомый – со времени, когда я заведовала отделом учащейся молодежи, а он был студентом сельхозинститута. Однажды у меня на толкучке из кармана вытащили деньги. Виля как раз туда заехал, и я ему пожаловалась. Он кого-то куда-то послал, к нему подвели цыгана, тот нырнул в толпу и вскоре вернулся с моим – именно моим! – кошельком.

Импортный дефицит в Одессу доставляли моряки заграничавания, «челноки», освоившие регулярные рейсы в Турцию, которая, кто помнит, одела все мужское население Советов в добротные дешевые свитера из какого-то эрзаца. Турецкий челночный бизнес, пролежавший через наш порт, первыми освоили поляки. Одна молодая женщина из Варшавы, знакомая моей приятельницы, за счет этого бизнеса купила две квартиры – себе и матери! Был еще «посылочный» импорт, из западных стран, где у кое-кого из одесситов нашлись родственники, что в послесталинские годы можно было не скрывать. Но такие вещи на толкучку не попадали – их приносили в дома доверенные спекулянтки. У меня такая была.

Эх, куда меня занесло! И это я еще сократила занос. Сейчас прочитала в и-мейл «полезный совет»: если чувствуешь себя усталой, не перегружай голову. Это как? Вы умеете приказать себе не мыслить и такой приказ выполнить? Вот сбросить такой совет я могу, что и делаю.

В интернете сообщили об одной импортной знаменитости, которую я не знаю: спасаясь от сильных неизлечимых болей, она выхлопотала эвтаназию. Наша религия это запрещает, считая великим грехом, но медицина в редчайших случаях и у нас применяет. И я подумала: если бы передо мной была кнопочка, нажав на которую, можно просто выключить себя из существования, я могла бы в какой-то момент... Не знаю. Ни один человек не может (и не должен!) такого о себе знать.

Тут мне вспомнился знакомый ребенок, родившийся здесь внук зоотехника одесского ипподрома. Дедушка, с которым они обожали друг друга, с дошкольного возраста водил мальчика в секцию спортивной гимнастики. Для низкорослого щуплого ребенка это была очень серьезная нагрузка. Но он ее не просто выдержал – он многократно занимал первые места в соревнованиях малолеток. Статью о нем я назвала «Золотое дитя «Маккаби».

Мальчик с рождения пользовался ивритом, а в семье говорили по-русски, и он его понимал. Но чтобы произнести русскую фразу, ему нужно было сначала сложить ее в уме, для чего требовалась пауза. И вот семью постигло большое горе: умер самый старший, дедушка. И самый младший, утешая бабушку, сложил гениальную, я считаю, русскую фразу: «Не плачь. Никакой человек не умеет жить всегда».

